

UDC 327

POLITICS OF MEMORY IN RUSSIA AS A SYSTEMATIC WORK WITH THE PAST

Kochneva Elena Dmitrievna,

The Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
postgraduate
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: lestognij@yandex.ru

Annotation

This paper provides an overview of the policy issues of memory, as well as an analysis of different approaches to the interpretation of this phenomenon. In particular, the historical memory and national memory, the state of the politics of memory in post-Soviet space - the study of the practice of political use of historical events on the example of the Great Patriotic War.

Key words:

the politics of memory, historical memory, falsification of history, national consensus, the Great Patriotic War.

УДК 323.2; 327.8; 327.39

ФРАКЦИОНИСТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ИРАНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на изучение политики памяти в Исламской Республике Иран. Исследование базируется на авторской методологии, предполагающей анализ влияния разных фракций на процесс формирования политики памяти. Результатом исследования стало выделение различий в концептуальном обосновании отношения к истории различных акторов в иранском обществе. Также, в конце статьи автором приводится периодизация влияния различных фракций на формирование политики памяти в Иране.

Ключевые слова:

политика памяти, политический ислам, исламская революция, Иран, политические фракции.

События последних лет в странах Ближнего востока и исламского Магриба подчеркнули важность научных изысканий, направленных на понимание происходящих внутривнутриполитических процессов, связанных с конструированием идентичности и памяти. Отдельный академический интерес представляет Исламская Республика Иран, активизирующая свою внешнеполитическую роль в исламском мире и активно участвующая в происходящих конвергентных и дивергентных процессах уммы.

В контексте вызовов вооруженных конфликтов в Сирии и Йемене, характеризующихся прямым столкновением и поляризацией позиций разных течений исламского вероучения, актуализируется вопрос конструирования идентичности и исторической преемственности. Для реализации подобных новелл поли-

тического конструктивизма применяется т.н. политика памяти. Данный концепт не является новым для отечественной политической науки, но не прошел полной концептуальной институционализации в российском академическом дискурсе.

В частности, значимым этапом формирования дискурса в отношении данного вопроса является тематический 46 выпуск журнала «Pro Et Contra», посвященный вопросам политики и истории. В частности, Алексеем Миллером там поднимается вопрос о формировании в российском академическом дискурсе понятий, отвечающих за вопросы сопряжения истории и политики [4].

В частности, автором рассматриваются взаимоотношения между концептами «политизация истории», «политика памяти» и «историческая политика». Подчеркивается, что все

эти концепты связаны с переломными моментами в политической истории государства, выполняют функцию адаптации возникшего нового режима к ретроспективе существования государства.

Большинство авторов выпуска на передний план выдвигают именно концепт «историческая политика» как наиболее близкое понятие отечественной науке, так как данный концепт является рецепцией польского термина «*polityka historyczna*» [5], в свою очередь, перенесенного с немецкого понятия «*Geschichtspolitik*», возникшего и артикулируемого в ФРГ в конце 1980-х годов [4]. Несмотря на это, «историческая политика» является локальным понятием, в большинстве своем, имеющим место быть в затронутом коммунизмом ареале и, среди прочего, преследующем цель преодоления постсоветской аномии и реинтеграции. В большинстве восточных политий, имеющих принципиально иную историческую повестку, имеют место быть иные процессы, базирующиеся на плюралистическом и синкретическом восприятии политической истории.

В таких условиях наиболее релевантным для удовлетворения аналитического интереса представляется концепт «политика памяти», затрагивающий проблематику регулирования коллективных этно-религиозных практик и сведения их в единый лоскут государственной идеологии. «О политике памяти мы говорим тогда, когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (то есть о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других» [4].

В общих чертах, для осуществления политики памяти используются следующие инструменты:

Во-первых, определение стандартов исторического образования.

Во-вторых, определение тематики и векторов материальной поддержки научных исследований.

В-третьих, регулирование доступа к архивам.

Однако данные инструменты затрагивают вопросы практической имплементации, формирование общих концептуальных основ политики памяти зиждется в русле перманентных политических задач и носит строго индивидуальный характер в зависимости от политической конъюнктуры государства.

Потребность формирования оформленной политики памяти в Иране появилась после Исламской Революции 1978–79 годов. Новая власть ощущала потребность в политическом конструктивизме, способном осуществить адаптацию нового теократического режима к осколкам шахского Ирана. За базовый модус исторической преемственности был принят краткосрочный период правления главы правительства Ирана Мохаммада Мосаддыка, в течении которого были национализированы многие объекты нефтедобывающей промышленности. После революции фигура премьера была сакрализована: он был объявлен одним из современных борцов за независимость Ирана, нынешняя ипостась которого является исторической преемственностью к его политике; в его честь было названо множество инфраструктурных объектов, в 1979 году день принятия им решения о национализации стал государственным праздником, а в 2009 году даже была выпущена компьютерная игра, где предлагается влиться в роль его кота и стать пассивным участником эпохи его правления.

Также в основу политики памяти был заложен принцип маргинализации всего, что было ассоциировано с шахским режимом и влиянием в Иране западных держав. Например, на символическом уровне было запрещено ношение галстуков, сам атрибут объявлен «удавкой Запада»; данные нормы исторического этикета действуют и по сей день. Сами отношения с зарубежными странами были положены в формулу «США – большой Сатана, СССР – малый Сатана», которая метафорически отражает сублимированное выражение политической повестки тогдашнего Ирана.

Значимым исключением стало отсутствие каких-либо ограничительных мер, связанных с английским языком, оставшимся значимой *lingua-franca* республики. До настоящего времени он активно используется в Иране, в т. ч. на официальном уровне. Например, на нем дублируется название многих учреждений, английский используется на иранских денежных знаках.

В последствии, приверженность данным общим принципам интерпретации истории стало критерием включения политических сил в систему государства. Отказ от их воспроизводства, по сей день, неизбежно приводит к маргинализации и политическому забвению.

Частные элементы политики памяти сопряжены с политической повесткой конкретных политических сил. Политическая система в Иране, в целом, стратифицирована на устоявшиеся фракции, управляющие страной в условной коалиции, но транслирующие аутентичную политическую повестку [2, с. 64]. Данный фракционизм и принципы его функционирования традиционно являются предметом научных изысканий отечественных и зарубежных исследований. В частности, российская традиция, в большей мере, основана на подходе иранского ученого доктора Сейида Борзини [1].

Основу подхода составляет анализ исторической эволюции политической системы Ирана с выделением восьми условных этапов развития фракций. Как итог, выделяются такие фракции: фракция Хезболлах, фракция Центристов, фракция «Правых», фракция «Левых» [2, с. 71–74]. Отмечается, что различия содержат следующие представляемые фракциями элементы: политическая идея, понимание истории, общественно-социальная структура, лидеры, организационная структура, методы работы, внутренняя политика, внешняя политика, экономическая политика. В контексте же политики памяти, обособленным элементом академического интереса является история: ее понимание и репрезентация.

Так как российский подход содержит большое количество структурных связей и предполагает отсутствие демаркации идеологических границ разных политических сил,

в данном кейсе, можно обратиться к подходу, разработанному и пролонгируемому американским исследовательским институтом RAND Corporation. Ученые из США предполагают создание идеологической дихотомии от Левых до крайне Правых сил политического спектра и выделение в рамках данного отрезка акторов, имеющих стабильную политическую повестку, регулярно транслируемую по официальным каналам государства. Особенностью подхода также является то, что анализу подвергаются исключительно системные акторы, учитывается маргинализация многих традиционных для западных стран, в большей степени – Европейских, политических сил, как коммунисты, социалисты, националисты и т. п. В преломлении официального измерения Иранской политики, в большей степени, речь может идти только об узком спектре паралиберальной идеологии и широком спектре консервативной.

Таким образом, специалисты RAND выделяют следующие фракции в Исламской Республике Иран (от левого к правому полюсу соответственно): реформисты (Reformists), прагматики (Pragmatic conservatives), традиционалисты (Traditional conservatives) и реакционеры (Principlists) [12, с. 12]. Соответственно, каждая из указанных фракций имеет собственную повестку политики памяти, выстраиваемую на основе общего модуса. Все фракции имеют обязательный консенсус по следующим, связанным с историей, политическим вопросам:

Во-первых, все указанные фракции привержены Исламской Революции и идее об исключительной исторической роли аятоллы Рухоллы Хомейни.

Во-вторых, все указанные фракции привержены системе исламского правления, в своих идеях не могут выдвигать исторические обоснования любых «контрреволюционных» посылов, а также стараются не артикулировать историческими образами, которые могут быть истолкованы как секулярные.

В-третьих, все указанные фракции имеют консенсус относительно того, что любые вариации политики памяти должны быть направлены на укрепление и дальнейшее воспро-

изводство политической системы Исламской Республики Иран (Nezam).

Сторонники реформ, или реформисты, представляют собой левый полюс в иранской политике, выступают с либеральных аксиологических позиций, а также, включают в себя представителей так называемого «зелёного движения». Лидерами являются бывший Президент Мохаммад Хатами, бывший глава правительства Мир-Хосейн Мусави, а также, аятолла Мехди Карруби. Они выступают за повышение роли республиканских учреждений в политической жизни страны. Это выражается в развитии институтов гражданского общества и выборных органов, а также, защите прав женщин и религиозных меньшинств. Стоит отметить, что большая часть их влияния на политическую систему Ирана обусловлена тем, что ключевые персоналии являются близкими родственниками Рухоллы Хомейни.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти, за левой фракцией были замечены следующие новеллы.

Противодействие арабизации – сторонники фракции имеют максимальную близость к идеям персидского национализма, условно и скрытно инкорпорированного в их повестку. Они выступают против инклюзии любых исторических образов и сюжетов, связанных с арабской культурой, в особенности стран Аравийского полуострова и арабских традиций иранского остана Хузестан. Данная позиция, однако, не относится к кораническим сюжетам, а также к азербайджанской культуре, трансляция которой происходит на национальном уровне в виду принадлежности к данному этносу значимой части национальной элиты.

Иные сюжеты включают в себя акцентуацию республиканских традиций и демократических устремлений, в виду чего особый акцент делается на истоках республики – Мохаммаде Мосаддыке и Рухолле Хомейни; вплоть до того, что образ великого аятоллы – основателя Исламской республики, используется как неотъемлемая часть политических компаний вплоть до его ассоциации с фракцией. Сложным моментом современной истории для фракции является попытка дис-

танцироваться от одного из прежних лидеров левого крыла и апологета республиканских традиций – Абольхасана Банисадра. Беглый первый Президент Республики считается предателем, однако, при этом, де-факто, являясь одним из основателей ИРИ и создателем левой фракции. Соответственно, последние факты в повестке не транслируются, происходит формальное молчаливое согласие с нынешней оценкой Банисадра действующей властью в рамках государственной политики памяти.

К числу прагматически настроенных консерваторов, или прагматиков, причисляют тех политиков Исламской Республики, чьи идеалы направлены на отказ от конфронтации с западом и максимальное экономическое сотрудничество. Согласно их мнению, основной целью политики является достижение благосостояния общества с позиций рыночной экономики и высоких социальных гарантий. Представители данных взглядов выступают не только за экономическую, но и за политическую интеграцию со странами запада, считая, что партнёрские отношения с ними являются гарантом государственной безопасности. «Прагматики имеют стабильную поддержку среди иранских технократов и государственной бюрократии» [12, с. 13]. Прагматики являются традиционными выразителями интересов нефтяной промышленности Ирана, максимально заинтересованной в либерализации национальной экономики и свободном экономическом взаимодействии, особенно со странами Запада, что приобрело особую актуальность после отмены санкций. Особой поддержкой прагматики также пользуются в западных областях страны, где не так сильно влияние бониядов. Наиболее видным представителем прагматиков является бывший Президент Республики Али Акбар Рафсанджани.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти, за прагматической фракцией были замечены следующие новеллы.

Арабский конформизм – компромиссное отношение к роли арабской истории в Иране, попытка ее синкретизации и интеграции. Прагматиков отличает крайне лояльное от-

ношение как к арабским, в т. ч. и аравийским странам, даже Бахрейну, основу населения которого составляют шииты; так и к суннитскому направлению в Исламе, не в пример другим традиционным конфессиям – христианству, иудаизму и зороастризму, исключенному из политики памяти Ирана.

Также фракция прагматиков считается апологетами использования мягкой силы в контексте политики памяти. Данная новелла должна реализовываться с помощью трансляции культурных связей и формирования иранского мира, исторической частью которого являются носители различных вариаций фарси: курды, таджики, мазендеранцы, гилянцы, луры, бахтияры, талыши, хазарейцы, белуджи, пуштуны, урду-говорящие персоналии различных национальностей, народы Памира; иногда в данный ряд также могут причисляться осетины и иные народности, имеющие стойкие этно-конфессиональные связи с Ираном.

Кроме этого, фракция прагматиков была также замечена в особо теплом отношении к памяти о Мохаммаде Мосаддыке и его наследию.

Ядром сторонников традиционалистски настроенных консерваторов, или традиционалистов, являются наиболее видные представители исламского духовенства. Муджтахиды настаивают на сохранении ценностей традиционного исламского общества и культуры, выступают за добровольную умеренную автаркию государства на мировой арене. Также традиционалисты считают, что реализация принципов рыночной экономики приведет к деградации социума, обострит делинквентные проявления западного образа жизни. Отсюда, традиционалистов активно поддерживают исламские фонды – бонияды, находящиеся вне рамок рыночной экономики, но контролируемые крупными капиталами внутри страны. Традиционалистов часто называют «старой гвардией» исламской революции. Видным выразителем взглядов является аятолла Махмуд Хашеми-Шахруди; в большей мере, к традиционалистам относятся сам Рахбар Али Хосейни Хаменеи и Президент Хасан Роухани.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти, за традиционалистской фракцией были замечены следующие новеллы.

Активная артикуляция традиционной иранской культурой – фракция является наиболее видным популяризатором культуры и традиций народов Ирана. Прежде всего, это касается курса сохранения исторических памятников персидской цивилизации. В репрезентации культурного наследия, однако, убирается секулярный контекст и подчеркивается традиционное высокое значение ислама как религии и исламского духовенства. В противовес, сторонникам данной фракции характерно непринятие любых других культур, кроме аутентично иранской.

Также политика памяти традиционалистов инкорпорирует и артикулирует культуру и смыслы, существующие в среде так называемых базари – представителей мелкого бизнеса, деятельность которых сосредоточена вокруг базаров, традиционно выступающих на Востоке не только в роли торговых узлов, но и как важного института коммуникации между властью и обществом. Кроме того, традиционалисты выступают за полное слияние политики, истории и религии.

Другой характерной чертой политики памяти традиционалистов является обращение к сюжетам шиитского ислама и их символическому воплощению в современном обществе. Это касается концепции сокрытого имама, по канону веры, который должен проявиться для спасения верующих.

Воплощением же современных героев для традиционалистов являются участники ирано-иракской войны 1980–88 годов. Участники данных боевых действий превозносятся как герои, культ погибших имеет широкое распространение. Символическое закрепление участников войны произведено в названиях множества географических объектов, а почитание видных героев, таких как, например, Мустафа Чамран или Али Сайяд-Ширази, является официальным предметом культа. Выбор данной исторической новеллы обусловлен двумя факторами: исторической близостью событий – многие ветераны конфликта находятся

в добром здравии, и отсутствие возможности превознесения героев шахского Ирана, подвигнутых исторической маргинализации.

Сторонники реакционных взглядов, фракция реакционеров или также иногда называемая «принциплисты», представляют собой правый полюс иранской политики и выступают с ультраконсервативных позиций в идеологическом ключе. По их мнению, любые общественно-политические изменения, не предполагаемые исламской революцией – не должны реализовываться в обществе. Более того, считается необходимым сохранение «чистых» революционных принципов и идеалов: это включает в себя также противопоставление Западу и попытки экспорта исламской революции за рубеж. С другой стороны, они ориентированы на сохранение внутренней стабильности и обеспечение воспроизводства качественных характеристик политической системы. «Реакционеров называют «Новой гвардией» исламской революции» [12, с. 13]. В их воззрениях политическая формула исламской революции является трансцендентным идеалом, не подлежащим переосмыслению.

Апологетами реакционных взглядов считаются как бывший Президент Махмуд Ахмадинежад, так и его политический противник Али Лариджани. Отнесение данных политических лидеров, имеющих схожие взгляды, но являющихся закоренелыми политическими противниками, не позволяет многим исследователям рассматривать фракцию в качестве консолидированного актора, однако, наличие политического конфликта не исключает имеющуюся идентичность исторической повестки.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти, за реакционистской фракцией были замечены следующие новеллы.

Отрицание предыдущей истории – история Ирана для фракции начинается с Исламской Революции, все связанные с ней сюжеты считаются «чистыми», не связанные – «грязными». Соответственно, фракцией превозносятся любые значимые исторические события, произошедшие со времени революции, при этом подавляется влияние традиционной культуры, а также, любых внешних историче-

ских воздействий. Можно сказать, что реакционеры пролонгируют идею исторической автаркии Ирана.

В символическом пространстве ими преследуются идеи экспорта Исламской революции, для чего используются разные концепции от проведения исторических аналогий пред-революционной ситуации в интересующих режимах, до широкого распространения идеи «от Кербелы до Иерусалима», настаивающей на необходимости объединения Ираном больших пространств, включение в состав государства важных для мусульман-шиитов религиозных центров, а также, последующая ликвидация государства Израиль, история и факт существования которого не воспринимается фракцией. Стоит заметить, что антисемитские идеи не распространяются в отношении иранских евреев, что закономерно по отношению и к другим религиозным меньшинствам; однако сама фракция носит ярко выраженный про-шиитский характер, отрицательно относится к любым не шиитским новеллам в истории государства; также, именно при их доминировании в политических структурах страны высказывалась идея о необходимости обязательного ношения на одежде признаков религиозного различия.

Особое место в политике памяти данной фракции занимает культ сокрытого имама – Мехди. Его интерпретация абсолютно различна. Если Али Лариджани настаивает на том, что монополией на интерпретацию любых связанных с Мехди смыслов обладает высшее исламское духовенство, то экс-Президент Махмуд Ахмадинежад, являясь лидером неформального движения так называемых «мехдистов», настаивал на собственной способности к интерпретации смыслов, соответственно, претендуя на легитимность в вопросе регулирования коллективной памяти и ее проекции на будущее политическое развитие.

Поскольку влияние каждой фракции весьма разнородно, не представляется возможным выделить какую-либо генеральную линию в политике памяти современного Ирана. При этом, закономерно говорить, что реальная политика имеет три основных уровня:

Во-первых, существует незыблемая основа, заложенная имамом Хомейни, и модифицированная нынешним Рахбаром Али Хосейни Хаменеи.

Во-вторых, существует плюрализм во власти концептуального основания политики памяти; на уровне чего происходит политическое противостояние разных политических фракций.

В-третьих, уровень нейтральной памяти, куда входят те или иные символы, отношение к которым со стороны всех фракций нейтрально. К сюжетам такого уровня, например, можно отнести Ибн Сину (Авиценну), к памяти которого в Иране относятся с особым пиететом.

В заключение можно выстроить условную хронологическую периодизацию, в течение которой в официальном дискурсе Ирана доминировала историческая повестка той или иной фракции. Это можно сделать на основе анализа того, персоналиями какой фракции контролировались республиканские институты. Таким образом:

От основания республики по 1981 года – реформисты – период правления Абольшасана Банисадра.

С 1981 по 1982 – реакционеры – интенсивная фаза «культурной революции».

С 1982 по 1989 – традиционалисты – период стабилизации, президентство Али Хосейни Хаменеи.

С 1989 по 1997 – прагматики – период либерализации политики и социальной сферы Али Акбара Рафсанджани.

С 1997 по 2005 – реформисты – период нового курса Мохаммада Хатами.

С 2005 по 2013 – реакционеры – период контрреформ, развитие ядерной программы, агрессивная политика Махмуда Ахмадинежада.

С 2013 по наст. время – традиционалисты – период умеренной политики Хасана Роухани [8; 9, с. 10; 10; 11; 13, с. 41].

1. Борзини С. Политические фракции в Иране – Тегеран, 1999.

2. Иран: ислам и власть / Под ред. Н.М. Мамедовой и Мехди Санаи – М.: Институт востоковедения РАН, 2002.

3. Манучихри А. Политическая система Ирана – СПб: Петербургское востоковедение, 2007.

4. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

5. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

6. Davis L.E. Irans Nuclear Future: Critical U.S. Policy Choices – Santa Monica: RAND, 2011.

7. Elson S.B. Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood after the 2009 Election – Santa Monica: RAND, 2012.

8. Ganji A. Revolutionary Pragmatists [Электронный ресурс] // Foreign Affairs – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140253/akbar-ganji/revolutionary-pragmatists>.

9. Harold S., Nader A. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations – Santa Monica: RAND, 2012.

10. Nader A. Can Rouhani Break Through? [Электронный ресурс] // RAND – Режим доступа: <http://www.rand.org/commentary/2014/02/06/LL.html>.

11. Nader A. Iran's 2013 Presidential Election: Its Meaning and Implications – Santa Monica: RAND, 2013.

12. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

13. Thaler D.E., Nader A. Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics – Santa Monica: RAND, 2011.

1. Borzini S. Politicheskie frakcii v Irane – Tegeran, 1999.

2. Iran: islam i vlast' / Pod red. N.M. Mamedovoj i Mexdi Sanai – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2002.

3. Manuchixri A. Politicheskaya sistema Irana – SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 2007.

4. Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

5. Traba R. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

6. Davis L.E. Irans Nuclear Future: Critical U.S. Policy Choices – Santa Monica: RAND, 2011.

7. Elson S.B. Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood after the 2009 Election – Santa Monica: RAND, 2012.

8. Ganji A. Revolutionary Pragmatists [Elektronnyj resurs] // Foreign Affairs – Rezhim dostupa: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140253/akbar-ganji/revolutionary-pragmatists>.

9. Harold S., Nader A. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations – Santa Monica: RAND, 2012.

10. Nader A. Can Rouhani Break Through? [Elektronnyj resurs] // RAND – Rezhim dostupa: <http://www.rand.org/commentary/2014/02/06/LL.html>.

11. Nader A. Iran's 2013 Presidential Election: Its Meaning and Implications – Santa Monica: RAND, 2013.

12. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

13. Thaler D.E., Nader A. Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics – Santa Monica: RAND, 2011.

UDC 323.2; 327.8; 327.39

THE FACTIONAL MEASUREMENT OF POLITICS OF MEMORY IN IRAN: CONCEPTUAL BASES

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
post-graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article aims to explore the politics of memory in Islamic Republic of Iran. Research is based on the author's methodology assuming the analysis of the impact of different factions on the formation of the politics of memory. The result of the research is describing difference in the allocation of the conceptual justification relationships to the history of the various actors in the Iranian society. Also, in conclusions, author made the periodization of the impact of various factions on the formation of the politics of memory in Iran.

Key words:

politics of memory; political Islam, Islamic revolution, Iran, political factions.

УДК 1 (091) + 16

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ИСТИННОСТИ И ДОКАЗУЕМОСТИ: Г.В. ЛЕЙБНИЦ; А. ТАРСКИЙ; К. ГЁДЕЛЬ

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Обращается внимание на логическое противоречие между тезисом Лейбница о доказуемости всякой истины и метатеоремами Гёделя о семантической неполноте формальной арифметики в случае ее непротиворечивости. Неоднократно повторявшееся Лейбницем утверждение «всякое истинное предложение может быть доказано» имеет в его системе статус необходимо всеобщего принципа. Как выйти из этого затруднительного положения, т.е. как объяснить этот историко-философский факт, не впадая в логические противоречия? Ответу на этот вопрос и посвящена статья. В ней исследуемое противоречие разрешается путем точного формального определения сфер априорного и эмпирического знания.

Ключевые слова:

знание, априорное, эмпирическое, необходимо, случайно, истинно, доказуемо.

Начнем с историко-философского аспекта. В 2016 году цивилизованное человечество будет отмечать 370-летие со дня рождения и 300-летие со дня смерти Г.В. Лейбница – ярчайшего представителя философии рационализма [3] и оптимизма [5]. В ходе как прямого, так и косвенного (обезличенного) выяснения мировоззренческих (эпистемологических) отношений с Дж. Локком [9] и другими представителями сенсуализма и эмпиризма Лейбниц настаивал на положительной ценности и особой важности априорного знания, боролся с тенденцией к абсолютному отрицанию существования знания аргюи. На мой взгляд, по своей важности в развитии культуры Германии (и на благо всего человечества) много-

сторонне гениальный Лейбниц сыграл роль аналогичную той, которую сыграл в развитии культуры Италии (и на благо всего человечества) многосторонне гениальный Леонардо да Винчи. Справедливости ради необходимо осознать, что, вопреки марксистскому историко-философскому стандарту, действительно классическая немецкая философия начинается не с И. Канта, а с Лейбница. Кант – один из ее великих продолжателей.

К сожалению, марксистско-ленинское отношение к идеалисту Лейбницу проявилось еще и в том, что до сих пор некоторые очень интересные и важные его работы так и не переведены на русский язык (с латыни, французского